

могла бы пожелать болѣе искренняго и нѣжнаго письма отъ любимаго человѣка. Одна бѣда только: оно опоздало на три дня. Оно пришло совсѣмъ не кстати теперь, когда, чтобы прочитывать его, ей приходится хорониться отъ избраннаго ею самой супруга!

— Да!—я сама избрала его!—говоритъ она, и это-то всего и забавнѣе! Она громко смѣется.

Смѣхъ пугаетъ ее самое.

— Ужъ не схожу ли я съ ума?—спрашиваетъ Белинда себя.

Она бросается къ окну и открываетъ его. Она задыхается даже въ этой ледяной атмосферѣ. Ураганъ стихъ въ настоящую минуту. Все кругомъ покрыто снѣгомъ и озарено блѣдной луной. Она съ дрожью отстраняется отъ рѣзкаго уличнаго воздуха, остраго какъ бритва, и закрываетъ окно, садится къ столу, беретъ письмо и снова медленно читаетъ отъ перваго слова до послѣдняго. Глаза ея сухи, и слезъ не видно на щекахъ. Говорить, что гроза менѣе опасна, когда начинается дождь, и худшее въ человѣческомъ горѣ изжито, когда появляются слезы. Но горе Белинды далеко еще отъ этого спасительнаго періода. Чего бы она не дала за нѣсколько слезинокъ или за обморокъ, который бы хоть на время избавилъ ее отъ острой, внутренней боли! И въ томъ и въ другомъ утѣшеніи ей отказано! Если бы онъ написалъ свое письмо только однимъ днемъ раньше! если бы она послушалась страстной мольбы Сары отложить свадьбу только на одинъ мѣсяцъ! Если бы, если бы! Мало ли сколько такихъ *если бы*, которые могли бы открыть для нея рай.

— Я сама выбрала свою долю!—горько повторяетъ она, снова чувствуя страшное желаніе громко расхохотаться надъ мрачной провѣей этихъ словъ. *Доля, выбранная ею*, заставляетъ ее сидѣть теперь одинокой въ этомъ сыромъ и холодномъ погребѣ, съ раскаленной стрѣлой въ сердцѣ, и не смѣть даже громко застонать, чтобы не быть услышанной внизу,—тогда какъ могло бы быть...

Но она не смѣетъ вызывать въ воображеніи противоположной картины. Она чувствуетъ, что это прямой путь къ умопомѣшательству. Глаза ея дико блуждаютъ по открытому письму, и какъ на зло, останавливаются на самыхъ нѣжныхъ фразахъ.

— «Я обезумѣлъ отъ радости!» «Удивительно ли послѣ этого, что я не въ состояніи писать толково?»

Пока она глядитъ на эти слова, написанныя съ такой чистой, радостной вѣрой, во которыя теперь кажутся ей горькой и жестокой насмѣшкой,—судорожное, сухое рыданіе потрясаетъ ее всю съ головы до ногъ. Жалость, которую она до сихъ поръ чувство-